

Социальное христианство

На последнем Клермоне (июль 1928) доклад проф. Г.П. Федотова поставил перед Движением вопрос о социальной работе. В Амьене (сентябрь 1928) после доклада о. Льва Липеровского произошел обмен мнений по тому же вопросу. Я думаю, что многие из членов Движения подошли к вопросу: что должно делать наше Движение для осуществления христианского идеала в области современных социальных проблем — проблемы денег, проблемы труда и всех других проблем, поставленных общественной жизнью.

Принципиальная сторона вопроса уже достаточно обсуждалась. Я ограничусь тем, что обобщу теоретические соображения в следующих пунктах.

1. Христианство всегда стремилось к осуществлению Царства Божия не только на небе и в индивидуальных душах, но и на земле, в человеческом обществе. Христос, врач душ и телес, склонялся с милосердием над всеми страждущими. Он призывал к себе бедных. Он указал на опасность богатства. Он постоянно увещевал имущих помогать неимущим. Первенствующая Иерусалимская Церковь, по изображению книги Деяний, осуществляла как общность имуществ, так и общение душ; она учредила дьяконское служение, чтобы придти на помощь материальным нуждам беднейших братьев. Ту же работу о деятельной братской любви мы видим в посланиях апостола Павла, Петра, Иакова и Иоанна. Пять первых веков и позднее, в течение всего средневековья, Церковь являлась источником и сосредоточием всех учреждений, которые пытались смягчить человеческую нужду и страдание. Католическая Церковь и церкви протестантские дали начало «социальным движениям», весьма благородным и жизненным. Новое «вселенское» движение, выражением которого была Стокгольмская конференция (1925), желает объединить все христианские исповедания на почве социальной работы. Остается ли Православие безучастным к этим усилиям? Дело не в том, чтобы Церковь заняла благоприятную позицию для той или иной экономической доктрины, но в

том, чтобы христианский дух господствовал в обсуждении материальной проблемы. Всюду, где есть нужда, конкуренция, эксплуатация, классовая ненависть, христианин должен нести помощь, сотрудничество, любовь.

2. У Р.С.Х. Движения есть два основания близко заинтересоваться социальными вопросами. С одной стороны, этого требует положение русской эмиграции. Почти вся эмиграция состоит из рабочих, нередко нуждающихся. Вопросы крова, одежды, насущного хлеба, материнства, болезней и т.д. дают себя чувствовать в русской эмиграции сильнее, чем в любой социальной группе в Европе. Замкнется ли наше Движение в интеллектуальных задачах или в личной религиозности, пройдет ли оно не останавливаясь мимо конкретного страдания русских беженцев, как священник и левит в Евангельской притче, — или же, как добрый самарянин склонится оно над раненым, лежащим на дороге, оросит его раны вином и елеем, и возьмет его с собой? мы знаем, что сотни наших братьев не только страдают, но и умирают благодаря материальным обстоятельствам, в которых они живут. Неужели мы ничего не сделаем? Или вы никогда не слышали такой формы в устах русских юношей: «Члены Движения называют себя христианами; и если бы они были христианами, они помогали бы нам». С другой стороны, само будущее России требует, чтобы Движение готовило себя к социальной задаче. Представим себе, что члены Движения скоро смогут вернуться в Россию. Потребуется социальная реорганизация России, и эта реорганизация должна осуществляться духом Христовым. Движение должно будет тогда возвысить свой голос. Не будем наивно думать, что Движение принесет готовые рецепты из-за границы. Новые методы и решения будут созданы, вероятно, не эмигрантской Россией, а явятся результатом большевицкого опыта. Но Движение своим собственным опытом, своим знакомством с зарубежной социальной действительностью может внести ценный вклад в дело возрождения страны. Во всяком случае, вернувшись в Россию, в страну, где в деревнях и станицах экономические и социальные вопросы являются предметами исключительного внимания и изучения, христианская молодежь

нанесла бы вред делу Христову, если бы дала основание думать, что для нее социальные проблемы не существуют. Марксистского евангелия нельзя убить простым отрицанием, игнорированием или иронией. Нужно дать что-нибудь в замену.

3. Некоторые члены Движения боятся, чтобы усиленная социальная деятельность не повредила внутренней религиозной жизни. Эта опасность существует там, где социальная деятельность стремится стать «деятельностью ради деятельности», как есть «искусство для искусства», или где она вырождается в механический, бездушный бюрократизм или, хуже всего, в карьеризм во имя личной выгоды. Но, если эта деятельность постоянно вдохновляется искренним и живым христианским духом, она не только не вредит внутренней жизни, она ее развивает. Для всякого, кто не является монахом-отшельником, братская любовь не только в чувстве и молитве, но и в конкретном воплощении — абсолютный долг. Было бы тяжким заблуждением забыть о том, что мы все составляем Тело Христово и стремимся противопоставить друг другу Главу этого Тела (Христа, как конкретную Личность) и Членов Христовых (людей). Христианство преодолевает антитезу спасения личного и спасения соборного. Мы работаем для целостного Христа, для «Тела Христова», членами которого являемся и мы, и все другие. Мы находим Христа не только одесную Отца, не только в нашей собственной душе, но в каждом из наших братьев.

Я верю, что все мы согласимся относительно этих теоретических предпосылок, если не захотим отвергнуть некоторые основные истины христианского благовестия. Но теперь встает конкретный вопрос: что может сделать наше Движение на ниве социальной работы?

В работе этой можно различить две фазы: подготовительную и творческую. Ясно, что Движение не созрело для творческой фазы. Во-первых, оно не обладает необходимыми финансовыми средствами для создания социальных учреждений (в смысле непосредственной деятельности). Затем оно не имеет опыта и достаточно широкой информации,

без которых нельзя с успехом браться за такую работу. Но уже теперь Движение могло бы — и с моей точки зрения, должно было бы вступить в подготовительную фазу социальной работы. В этой фазе могли бы, думается мне, быть поставлены три отдельных задачи.

1. Задача связи с социальными учреждениями вне Движения, как конфессиональными, так и нейтральными. Учреждений этих множество. Связь могла бы достигаться тремя путями:

а) центральный орган Движения в Париже мог бы войти в связь с международными предприятиями, способными оказать какую-либо помощь русской эмиграции — например, с международным обществом Красного Креста, с международным Бюро социального христианства, с международным Институтом культурного сотрудничества при Лиге наций и т.д.

б) в каждом государстве орган, представляющий Движение в этой стране, мог бы связаться с социальными учреждениями, действующими по всей территории страны, а также с государственными учреждениями всего более интересными для русской эмиграции, например, с Министерством труда, просвещения, колоний.

в) каждая местная группа Движения могла бы связаться с социальными учреждениями, как иностранными, так и русскими, существующими на местах.

Эта связь между Движением и социальными учреждениями должна была бы привести к обоюдному знакомству Движения и этих учреждений, возбуждению в них внимания к русской эмиграции, развитию деятельности их, в пользу русского беженства.

2. Задача социального просвещения членов Движения. В Париже (во всяком случае) и повсюду, где это окажется возможным, те из членов Движения, которые примут к сердцу социальные проблемы, должны образовать кружок или семинары социального христианства. Главное содержание этих кружков могло бы свестись к следующим пунктам:

а) социальное обоснование социального христианства. Решения разных социальных проблем, данные и даваемые христианством;

б) социальные теории и проекты, чуждые или враждебные христианству (марксизма и др.);

в) практическая техника социальной работы; методы, употребляемые в уже существующих социальных учреждениях и методы, возможные для будущих учреждений.

3. Задача социальной помощи путем информации. Наше Движение недостаточно богато, чтобы самому облегчить материальные бедствия русского беженства. Но оно должно быть в состоянии указать каждому русскому беженцу, обращающемуся к нему, одно или несколько учреждений, куда можно было бы обратиться. Каждая местная группа Движения должна создать орган, который можно было бы назвать Бюро социальной информации, секретариатом социальной помощи. Не взирая на такое заглавие, орган этот мог бы быть очень простым и скромным, а, главное, тот, кто взялся бы за этот труд, не должен стоять Движению ни копейки, кроме почтовых расходов: это должен быть доброволец, который взялся бы отвечать на получаемые письма и каждый день являться в бюро на очень краткое время, предоставляя себя к услугам русских беженцев, приходящих за устными справками. Такой секретарь должен быть вполне в курсе всех социальных учреждений государства или страны, в которой он живет — это не очень трудно, если научиться сначала самому наводить справки и быть в состоянии дать ответ каждому русскому, обращающемуся к нему по различным вопросам.

Задача такого секретаря сводилась бы просто к тому, чтобы направлять собеседника или корреспондента в то учреждение, которое, в каждом данном случае, могло бы оказать действительную помощь. Эта задача скромная, но не бесполезная. Работе по информации должны посвящать себя те, кто, помимо необходимой компетентности (т.е. знания различных социальных учреждений и умения легко найти, где нужно пополнить пробелы своих

знаний), чувствует себя способным отнестись к своим «клиентам» с подлинным вниманием и сочувствием.

Связь с различными социальными учреждениями, русскими и иностранными, социальное изучение в кружках, социальная помощь путем информации в особых бюро или секретариатах, — вот в чем могло бы состоять, по моему мнению, начало социального служения в нашем Движении. Все это осуществимо без увеличения административного аппарата Движения, и без того уже сложного, и без того уже сложного, и без новых расходов (за исключением, повторяю, почтовых, которые можно было бы включить в уже предусмотренные секретарские расходы). Так протекала бы подготовительная фаза. Если опыт удастся, то, после одного или двух лет подготовки, когда мы лучше ознакомимся с почвой, потребностями и возможностями, быть может, не было бы чрезмерной сложностью подумать о творческой фазе и спросить себя, не может ли Движение предпринять какое-либо дело непосредственной помощи. И, если бы даже финансовые средства Движения не позволили такого предприятия (материального порядка), можно было бы, с помощью Божьей, попробовать создать дело иного порядка, и даже более значительного: образовать внутри Движения группу юношей и девушек, решившихся посвятить всю свою жизнь, в полном отречении от себя и в духе Евангелия, служению своим русским братьям. Так мог бы родиться новый и особый тип религиозной жизни, требующий такого же отречения, как жизнь монашеская, но совершенно в иных условиях. Здесь достаточно отметить эту идею: развивать ее еще слишком рано. Может быть, это значило бы ставить себе слишком высокие и далекие цели. Но разве дерево не может вырасти из зерна горчичного?

Все, написанное выше, конечно, выражает мои личные мысли, а не идеи руководящих органов Движения. Но я не решился бы формулировать здесь этих моих личных мыслей, если бы в частных беседах не убедился в том, что многие члены Движения смотрят на вещи так же, как я. Я предлагаю свои проекты или советы на критику каждого члена Движения. Я был бы

счастлив, если бы они вызвали обмен идей, подверглись бы обсуждению, исправлению и дополнению, потому что мы должны во всем мыслить и действовать братски и соборно.

Иеромонах Лев (Жиле)

Париж